АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1956

Б. М. ДАНЦИГ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.[1]

В первой четверти XVIII в. изучение Ближнего Востока в России принимает хотя еще недостаточно систематический, но уже довольно целеустремленный характер.

Эта целеустремленность определялась, во-первых, развитием торговых и дипломатических отношений со странами Востока, и, во-вторых, — войнами России с Турцией и Ираном при Петре I. Войны определялись стремлением России выйти к Черному и Балтийскому морям[2]. «Одной из важнейших задач русской внешней политики на рубеже XVII и XVIII веков была борьба за южные земли, за выход к Азовскому и Черному морям, борьба против татар и турок»[3].

Азовские походы в 1695 и 1696 гг. ставили своей целью разрешение этой первостепенной задачи. Маркс писал, что Россия не могла оставлять. . . устья Дона, Днестра и Буга и Керченский пролив в руках кочевых татарских разбойни-

[1] Настоящая статья представляет собой сводный краткий обзор работ по изучению Ближнего Востока в России в течение царствования Петра I и является продолжением опубликованной автором в первом сборнике «Очерков по истории русского востоковедения» статьи по истории изучения Ближнего и Среднего Востока в допетровский период.

Автор поставил перед собой скромную задачу — дать обзор уже опубликованных материалов по данному вопросу и выяснить сферу интересов русских путешественников по Востоку. Одновременно автор стремился показать совокупность многообразных методов изучения стран Востока, применявшихся русскими людьми, изучавшими страны и народы, с которыми Россия завязывала торговые, экономические и политические отношения. Путешествия паломников, торговых людей, статейные списки послов, наблюдения над жизнью восточных народов, описания путей и посещенных стран — все эти материалы положены автором в основу настоящего обзора.

[2] Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954, стр. 432.

[3] Там же, стр. 435.

ков [1]. 18 июля 1696 г. Азов был взят. 14 января 1699 г. был подписан на Карловицком конгрессе договор о перемирии между Россией и Турцией, по которому Азов оставался за Россией. В том же году для заключения мирного договора в Турцию было направлено посольство во главе с начальником Посольского приказа Емельяном Игнатьевичем Украинцевым. Посольство думного советника (ранее думного дьяка) Е. И. Украинцева, видного русского дипломата, в течение десяти лет заведовавшего Посольским приказом, состоялось на грани XVII и XVIII вв. Петр I поручил ему добиться заключения мирного договора с Турцией. Дипломатическая миссия Украинцева связана, как известно, с первой попыткой России добиться права плавания по Черному морю. С этой же миссией связано и первое в истории русского флота (не говоря о плавании запорожских чаек) плавание по Черному морю военного корабля «Крепость».

В русской исторической литературе хорошо известна дипломатическая деятельность Украинцева, но в ней не получила надлежащего освещения другая сторона его деятельности — наблюдения географического и военно-географического порядка. Укажем, что даже в интересной работе Д. М. Лебедева «География в России петровского времени» (М.—Л., 1950) эта деятельность Украинцева совершенно не затронута. Не касается ее и М. С. Боднарский.

Уже в одном из своих первых донесений на имя Петра, 17 октября 1699 г., при сообщении о прибытии к «гирлу Царегородскому» 2 сентября в 8 час. дня, Украинцев дает описание Босфора:

«В 8 часу дня приплыли к гирлу Царегородскому и вошли в него самой середкою, без указывания и без вожей Турских (т. е. без лоцманов. — *Б. Д.*). По конец гирла от моря, по обеим сторонам, на горах стоят две башни высокие, а в них по ночам выставливаются фонари с большими свечами, для узнавания в ночи гирла, которое и в день с моря не само знатно; шириною оно до самого Царяграда только с милю Немецкую. Башни стоят в расстоянии между собой милях в 3 или 4 Италианских Немецких, и пушек при них нет. По обеим сторонам гирла версты с 2 или 3 стоят городки небольшие у самой воды: в них живут янычане; под городками пушек небольших по 10 и больше; который городок на левой стороне у воды, над ним на горе город каменный немалый древняго строения; жители живут между гор в садах и кипарисах многие; в небольшом

[1] См. К. Маркс. Секретная дипломатическая история XVIII века. Лондон, 1899.

лиманце стоят чайки и галиасы. Глубина в гирле в самой середке по 20, 30 и по 40 сажен; вода течет из Черного моря в Белое быстро. . . Длина всего гирла до Царяграда 18 миль Италианских. . .» [1].

Это, как известно, не первое описание пролива в русской литературе — напомним хотя бы описание его неизвестным автором второй половины XVII в., а также Арсением Сухановым, но данное описание полнее.

Не останавливаясь на дипломатической стороне деятельности Украинцева и соответствующих разделах его донесений, отметим, что они содержат ряд сведений о состоянии армии и флота, финансов, кораблестроении, условиях снабжения, а также наблюдения географического порядка, особенно в части изучения лоции Черного моря. Так, в донесении от 26 августа 1699 г. он сообщает о промерах глубин, производимых в Азовском море, вблизи Керчи, для проверки имеющейся карты Черного моря. «А каков, Государь, Керчь город, и о том тебе. . . самому известно. А по смете нашей от Керчи до Тамани морем расстояние будет с 4 мили добрых, и до тех мест, где я стоял, из больших пушек из Керчи кораблям и галерам вредить не может. А что написан, Государь, в карте на выезду к гирлу камень, и к тому каменю посылали мы в лодке штюрмана, и он до него доезжал; и в том. . . месте не особый камень лежит, а вышел из горы в море нос, и объехать его мочно без трудности. И приказал я. . . капитану Петру Памберху еще под Таган-Рогом сего Меотиского моря глубину и ширину описывать, и он так и чинит и впредь чинить будет» [2].

Начало изучению лоций Черного моря в России было положено именно этими первыми работами, совершенными командой корабля «Крепость».

Украинцев между прочим отмечает, что карта, которою он пользовался (такая же была, очевидно, и у Петра), по признанию турок, совпадала с турецкими.

Украинцев сообщает условия снабжения Константинополя: «Хлеб, масло, лес, дрова привозят с Черного моря из-под Дунайских городов Браилова, Измаила, Галации, Килии. . .» Из Средиземного моря (Белого по терминологии русского

---

[1] Цит. по Н. Устрялову «История царствования Петра Великого», т. III, СПб. 1858, Приложение VII, стр. 516—517.

[2] Из донесения Украинцева. Цит. по кн. Н. Устрялова. Указ. соч., стр. 510. См. также «Отечественные записки». СПб., 1827 г., ч. XXIX. «Чрезвычайное посольство Думного Советника Емельяна Украинцова к Порте Оттоманской 1699 и 1700 гг.», стр. 197 и 456.

посла) доставлялись пшено срачинское (рис), сахар, кофе, бобы, горох, конопляное семя, другие же хлебные товары не поступали.

Информировал вкратце Украинцев и о кораблестроении. «А Турки свои корабли делают хотя тонко, только прилежно и крепко: даже и сандалы и каюки сшивают зело плотно. . .» [1].

Пребывание Украинцева в Константинополе, затянувшиеся почти на год переговоры дали ему возможность собрать на месте богатую информацию как о внутреннем положении Османской империи, о состоянии ее армии и флота, так о планах и намерениях турецкой дипломатии, о поведении и намерениях иностранных послов при дворе султана.

Огромную помощь в этом оказал Украинцеву иерусалимский патриарх Досифей, проживавший в Константинополе, и серб Савва Рагузинский. Патриарх Досифей не только давал советы и информировал русского посла, но и сам непосредственно сообщал русскому правительству ценные и интересные сведения. Он установил связи с Москвой еще в царствование Алексея Михайловича и в правление царевны Софьи. В Москве, в Посольском приказе не забыли об услугах, оказанных в свое время Досифеем. В наказе, данном Украинцеву, предписывалось установить постоянные и близкие связи с Досифеем, руководствоваться его советами и указаниями. Информация Досифея, как передаваемая Украинцеву, так и непосредственно сообщаемая в Москву, была весьма ценной и разнообразной [2]. Деятельность его продолжалась вплоть до смерти, до 1707 г. Досифей оказал немалые услуги и первому русскому постоянному послу в Османской империи—П. А. Толстому.

С начала XVIII в. в Турции учреждается первое постоянное русское посольство. После этого политическая деятельность восточных патриархов и их связи с русским правительством постепенно сходят на нет. При существовании в Константинополе постоянного посольства значение прежних случайных агентов падает, и они становятся ненужными.

Назначая в конце 1701 г. первым постоянным послом в Турцию Петра Андреевича Толстого [3], Петр учитывал, что,

---

[1] Цит. по кн. Н. Устрялова. Указ. соч., стр. 518.

[2] Н. Каптерев. Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669—1707). «Чтения в обществе любителей духовного просвещения». М., 1891, апрель, гл. V, стр. 361—408; май—июнь, гл. VI, стр. 477—520.

[3] П. А. Толстой (с 1724 г. — граф), прапрадед Л. Н. Толстого, хорошо известен в истории взаимоотношений Петра с царевичем Алексеем. В 1717 г. Толстому было поручено добиться согласия Алексея на возвращение из-за границы в Россию.

побывав до этого в Италии, Польше и Австрии, Толстой с успехом выполнил там ряд важных поручений. Он оставил описание своего путешествия по Европе [1].

При отъезде в Турцию Толстому 2 апреля были даны «тайные статьи», содержащие подробный наказ, чем должен заниматься посол и на что он должен обратить внимание. Всего статей было 17, некоторые из них были написаны самим Петром. Наряду с этим Толстому 5 апреля были даны подробные инструкции, писанные дьяком Иваном Волковым: «И о всем ему послу, будучи в Турской Земле, Великого Государя дела делать и о тех делах радение чинить, и промышлять по вышеписанному его великого государя указу и по тайному наказу. . . Да что у него Посла в том посольстве, едучи к Царюгороду и будучи в Царегороде, и едучи оттуда к Москве учиниться и то все записать подлинно вправду — тому всему учинить статейный список» [2].

Тайные статьи заслуживают того, чтобы привести их полностью. Они свидетельствуют о широте интересов Петра в отношении Турции и о сложности задач, поставленных перед Толстым [3] (статьи, написанные рукой Петра, подчеркнуты).

«1) Наблюдать за всем, что делается в Турции.

2) Разведать подробно о самом султане.

3) К кому из пограничных народов он более расположен.

4) О доходах и торговле разведать.

5) Также об устройстве и числе войска.

6) О флоте.

7) Какие препятствия и затруднения имеет султан в окрестных народах и в своих подданных?

8) О послах иностранных.

9) **В Черноморской протоке,** что у Керчи, хотят ли какую крепость делать и где (как слышно было) и какими мастерами? или засыпать хотят, и когда, нынель или во время войны?

10) **Конницу и пехоту**, после цесарской войны, не обучают ли Европейским обычаям ныне, или намеряются впредь, или по старому не радят?

---

[1] «Русский Архив», 1888, № 2; также Д. М. Лебедев. География в России петровского времени. М.—Л., 1950, стр. 169.

[2] См. «Отечественные записки», 1822, № 25, стр. 258—272; № 26, стр. 410—420; № 29, стр. 370—378; № 30, стр. 33—42. «Инструкцию Петру Андреевичу Толстому, при отправлении его чрезв. и полномочным послом к Порте Оттоманской в 1702 г.» см. там же, № 30, стр. 34—35, 39.

[3] Сам Толстой прекрасно владел итальянским языком, являвшимся одним из дипломатических языков в Турции; в составе его посольства были три переводчика с латинского, греческого, итальянского, турецкого, татарского и румынского (волоского) языков.

11) **Городы Очаков,** Белгород (на Днестре), Килия и прочие укреплены-ль и как, по старому-ль или фортециями?

12) **Бомбардиры,** пушкари и проч. в прежнем ли состоянии или вновь учат!

13) **Бомбардирские** корабли (или Италианские поландры) есть ли?

14) **По патриархе Иерусалимском** есть ли иной такой же желательный человек? о таких чрез негож проведывать и познаваться.

15) С чужестранными министрами обходиться политично.

16) **Предложить** турецким министрам об установлении почты до Киева.

17) **О Запорожцах,** какой грабеж от них подданным салтановым Грекам, и что им за то учинено, о всем дан ему список с дела [1]».

Петра, как видно из статей, лично им написанных, особенно интересовали вопросы чисто военного порядка, более всего — не намерены ли турки обучать свою армию по европейскому образцу.

Толстой пробыл на трудном посту первого русского посла до 1713 г., причем дважды был заключен турками во время осложнений 1710—1713 гг. в Семибашенный замок.

С именем П. А. Толстого связаны два очень важных документа — обстоятельное описание турецкой империи, представлявшее собой ответ на поставленные ему в наказе вопросы, и обширное описание берегов Черного моря.

Первый документ «Описание состояния народа Турецкого» представляет собой реляцию на имя боярина Федора Головина, генерал-адмирала, руководившего в течение ряда лет иностранными делами и, в частности, деятельностью Толстого [2]. Эта реляция была доставлена 24 августа 1703 г. в Посольский приказ. В этом своем обширном донесении, основанном, очевидно, на известных Толстому литературных источниках и,

---

[1] Н. Устрялов. Указ. соч., т. IV, СПб., 1863, ч. II, стр. 28.

[2] См. Госуд. архив древних актов, ф. 89. Реестр № 3 турецкого двора новых лет. Кн. 8, № 2, дело 1703 г. «Реляции и письма к боярину Федору Головину от находившегося в Цареграде посла стольника Петра Толстого». Впервые обратил внимание на это донесение и частично, в выдержках, опубликовал его Н. П. Павлов-Сильванский. «Очерки по русской истории XVIII—XIX вв. СПб., 1910 в статье «Граф Петр Андреевич Толстой» (стр. 21—24). См. Т. К. Крылова. Русско-турецкие отношения во время Северной войны. «Исторические записки», № 10, 1941 (в статье по архивным материалам широко использованы донесения Толстого). См. также Д. М. Лебедев. Указ. соч., стр. 181.

в первую очередь, на личных наблюдениях, и обширной информации, стекавшейся к нему, он дал обстоятельные сведения об управлении, войске, флоте, состоянии торговли, взаимоотношениях между турками и христианами и т. д. Турок описывал он следующим образом: «Состояние народа турецкого суть гордое, величавое. . . уповают, что ни от кого не могут побеждены быть. . . Народ турецкий трезвой и о пьянстве воздержаной, ставят пьянство честные особы за грех великий и за стыд, а простой народ воздерживается от пьянства. . . но неже наказывают за пьянство» (стр. 186 рукописи).

Толстой отчетливо понимал угнетенное положение народов, находившихся под властью турок. Он писал: «Подданных своих греков держат в великом угнетении и такой в них страх вкоренили, что греки ниже в мысли своей противного к ним чего иметь смеют, и заповедано им и оружие держать, а ныне заповедали грекам и платье равное с собой носить, чтобы от всех были знатны, того ради повелели им носить платье худое,. . . яко являет смирения образ» (стр. 186). «А другие народы христианские, подданные их сербы, мутьяне, волохи, арапы и прочие, аще и тесноту и озлобление в несносных поборах от них терпят (зане не имеют ниоткуду никакия помощи) обаче страха их не зело ужасаются, и могли бы противу их ополчиться ежели бы ощутили себе откуду христианскую помощь, как и венгры учинили с помощью цесаря римского» (стр. 186).

Далее Толстой дал описание государственного управления, функций, прав и обязанностей великого визиря и других чинов.

На вопрос Петра о султане (о самом султане, в каком состоянии себя держит и поступки его происходят и прилежание и охоту имеет) Толстой отвечает: «Салтан ныне (речь идет о Мустафе II) обретается в турецком государстве яко истукан, все свои дела положил на крайнего визиря, который ныне зело умен и смышлен: обаче держит себя салтан в обыкновенном поведении гордостно. . . А прилежание и охоту большую ни к воинским, ниже к духовным делам, ниже к управлениям чиновным не имеет, но внутрь дому своего для забавы держит разныя жены, с которыми безразлучно веселится и прижил с ними четыре сына. Потом охоту имеет великую в ловитвах за зверями, в чем глаголят, яко подобится отцу, и в различных ловлях чинит великий расход, а казна народная вельми отягчилась такими расходы. А задворным его министрам та его в ловительствах забава потребна, понеже и они при том казну расхищать могут. . . А радеют все турецкие министры больше о своем богатстве, нежели о государственном управлении.

И можно рещи, что ныне турецкие вельможи получили по желанию своему удобное время к собранию себе несчетного богатства от расхищения народныя казны, ибо попустилось то небрежением салтанским» (стр. 194, 195; у Павлова-Сильванского, стр. 22—23).

Отвечая на вопрос о государственных доходах, Толстой подчеркивал, что точно выяснить доходы турецкого государства невозможно. По интересовавшему правительство вопросу «о торговле персидской шелком и другими товарами» он сообщает: «О торговле персицкой: привозят персы. . . шелк свой сухим путем во Олепо и Смирну, немногочисленно воза и морем в Константинополь, там малое число торги их в Константинополе с франгами, со французы, с англичаны и голанцы. . . персы зело много вывозят из государства их денег в разных монетах, в золотых червонцах и в серебряных» (стр. 202—203). Подчеркивая значение для Константинополя привоза продуктов сельского хозяйства со стороны Черного моря (как это отметил и Украинцев), он указывал, что без этого подвоза Константинополь будет обречен на голод.

С исчерпывающей полнотой освещал Толстой состояние армии и особенно флота, давая подробнейший отчет, отмечая дислокацию, подробно описывая Керченский пролив и его укрепления.

Касаясь подвластных Турции восточных стран, Толстой отмечал: «. . . В окрестностях вавилонских есть народ арапы, которые часто туркам противное чинят. . .» (стр. 242). Он дает, бесспорно с чужих слов, описание Месопотамии и древних городов. Все донесение Толстого ярко рисует состояние упадка Османской империи в начале XVIII в.

«Описание» Толстого, как правильно отмечал Д. М. Лебедев, «представляет собой официальный документ, дающий политическое и географическое описание Турецкой империи, далеко выходящее за пределы обычного статейного списка» [1].

В 1706 г. Толстой отправил Петру книгу, в которой описал Черное море со всеми городами и гаванями. Прежде чем отправить в Россию эту книгу, Толстой проверил заключавшиеся в ней сведения.

«Я сам, — пишет Толстой Головину в 1706 г., — посылал искусных людей снимать и описывать места; сколько могу судить, действительно так» [2].

---

[1] Д. М. Лебедев. Указ. соч., стр. 181.
[2] Н. Устрялов. Указ. соч., т. IV, ч. 1, стр. 332—400.

Присланная Толстым книга была подробно изучена в 60-х годах прошлого столетия историками Н. Поповым и Н. Устряловым [1].

В этой книге описаны города, гавани, заливы Черного моря, скалы, реки, горы. Описаны места от Константинополя по южному и восточному берегам Черного моря (до Керчи) и по западному и северному берегам, и морские пути от Керчи до Босфора, и до Дуная, Варны, Трапезунда. Более половины работы посвящено описанию архипелага.

«Черное море или Понтус-Эвскинус — обыкновенно покрыто мглой; ветр часто бывает северный или трамонтано; приливов и отливов нет; на востоке омывает Колхиду, на юге Малую Азию, на западе Мизию; длиною от востока к западу 900 итальянских миль (т. е. $1^3/_4$ версты. — *Б. Д.*), шириною от севера к югу 300 миль; со всех сторон окружено веселыми берегами, где много плодовитых деревьев. Лучшие места на нем от Дуная до Константинополя, также в Малой Азии; они изобилуют хлебом, живностью, лесом, ячменем, овсом. Все привозится в Константинополь в малых морских судах». Далее следует описание Босфора: «От Константинополя до Черного моря, т. е. до фонарей Мавромаровых, гирло в 18 миль. В одной миле от него Галата; между ними Керацкая пазуха, большая пристань, шириною местами в три мили; гирло к Черному морю по две и по одной миле. На восток за гирлом, в $2^1/_2$ милях Скутари. В 10 милях на обоих берегах гирла две фортеции, одна против другой; далее к Черному морю еще две небольшие фортеции, при самом проливе. На левой стороне его горы, на правой ровное место. При входе в Черное море, по обеим сторонам стоят башни с фонарями, для освещения входа в гирло по ночам. Есть там монастырь пресвятой Богородицы на высокой горе Мавромолос. По всему гирлу по обеим сторонам селения».

Описывая южный берег, Толстой обращает внимание на порт Ираклия (Эрегли), «очень удобный для сотни кораблей и более, огражденный от ветров каменными стенами, только не безопасный от майстра, очень беспокойного для бастиментов». «Великий город Синоп; в арсенале его стоят 30 кораблей салтанских, морские бастименты, корабли, каторги, домов христианских более тысячи. . . вокруг леса корабельные, годные для морских бастиментов, особливо галер; корабельные строители греки, босурманы же сами в работы не вступают».

---

[1] Цит. по кн. Н. Устрялова. Указ. соч., т. IV, ч. I, стр. 332–340.

Восточнее Уние он отмечал два мыса, особенно большой мыс Вона: «Между ними залив, при входе удобный только для двух кораблей; а далее порт наилучший в свете, кораблей на 60 и более; суда могут в нем зимовать без всякого опасения». От порта Пиксонта (очевидно, Пицунда) до Керчи отмечены мысы и гавани (но какие именно — не указано).

Затем описание переходит к западному берегу. Упоминаются: Мидия, Ниада, Пургос (Бургас), «Месеврия — порт добрый», Варна («большой порт, с глубокой водой от 3 до 10 сажен; в нем могут стоять на якоре до тысячи бастиментов. . . слабо вооружен»). Описывая устье Дуная, автор указывает, что Сулин — «более всех устьев дунайских; могут входить в него великие бастименты. . .» Очаков — «с большим и безопасным портом, где ставится многочисленный флот; при Очакове две фортеции — Асанпаша и Кильбурук (Кинбурн)». Район нынешнего Севастополя — Балаклава описывается так: «В 17 милях от Айнацы город Киозлаве или Козлов, не малый, и порт добрый; могут стоять на якорях в 5 саженях от берега большие бастименты; воды глубоки и чисты и от ветров безопасно, кроме леванта. Оттуда на юг, в расстоянии 40 миль, восьмнадцать портов великих; но теперь место пусто, а прежде бывали там города. От мыса Фанарского в 27 милях хороший город Палеклава (т. е. Балаклава) с портом — бессмертным лиманом; в начале он узок, не более шириной как на ружейный выстрел, от мыса при самом входе; миновав мыс, откроется гавань огромная, с глубокой водой, безопасная от всех ветров, на множество бастиментов больших и малых». «Керчь стоит в гирле Кавалари, т. е. рожны, между двума мысами; вода глубиною до 4 сажень; только опасно от ветра полуденного и сироко. Селение удалено от берега мили на 4. Близ Керчи построена фортеция; министры Оттоманские имеют полное намерение совершенно загородить Керченское гирло, чтобы нельзя было пройти из Азовского моря в Черное, даже ни малейшей лодке; если же окажется это невозможным, хотят фортециями гирло охранять, чтобы бастименты не входили в Евксинопонт».

Описанию Черного моря предшествует отписка или посвящение всего труда Петру, в котором Толстой пишет: «Извествую тебе, великому государю, нижайший раб твой, еже будучи я при дворе салтанова величества Турского, между оными твоими великого государя делами, получил ведомость о поселениях по брегам вокруг Черного моря и о портах, которые на том же Евксино-Понте обретаются, и то все с розмерением миль Итальянских (которых мера мне сведома), описав, колико

возможность допустила, под сею моею отпискою ко твоему пресветлейшему величеству послать дерзнул, чтобы тебе, великому государю. . . было известно; еже места и порты по берегам Евксино-Понта, так во Азии, как и во Европе описанные на картах географических, имеют во именованиях своих ныне, в настоящем времени, с турецкими именованиями различие; отчего употребляющим тех карт, знающим же достоверно нынешние турецким именованием имена предреченных мест и портов, припадает некоторое сумнительство. Отчего и я, убогий раб твой, к подъятому малому труду подвижен. . . Да благоприятна будет малая зело сия моя работишка превеликому твоему государскому человеколюбному благосердию» [1].

Хотя «Описание Черного моря», очевидно, представляло собой перевод или переделку какой-то итальянской книги и, по словам Н. Попова, давало лишь «сухую номенклатуру береговых местностей Черного моря», тем не менее, эта книга интересовала Петра, может быть, не в меньшей степени, чем сообщавшиеся Толстым сведения о состоянии турецких армий и флота.

В период пребывания П. А. Толстого в Константинополе продолжали иметь известное значение для ознакомления и изучения Османской империи сообщения иерусалимского патриарха Досифея. Уведомляя Досифея о назначении Толстого, Петр I писал ему: «А мы в том нетокмо не сумневаемся, но надеемся, что блаженство ваше тому послу нашему будешь во всех делех советник и искренний помощник и о делех тамошних случающихся желаем от блаженства вашего, дабы всегда, через тогож посла нашего, изволил к нам писать. . .» [2] Информируя Петра о внутриполитическом положении Турции, Досифей, например, писал 31 августа 1703 г.: «А что учинилось здесь в турках, т. е. великия мятежи, которые произошли у них: низвержение прежнего султана, и постановление брата его на султанский престол (Ахмеда III. — *Б. Д.*), побег визиря, который учинил мир и иных многих из знатных. . .» [3]

В январе 1705 г. в грамоте Петру Досифей сообщал о следующих происшествиях: . . .« Новый визирь, бесчеловечный и христианоборец, привез некоторых из разных мест, которые были прежде откинуты как злонравные от власти, и ввел их в достоинства, попреимуществу в полках янычерских и переменил самого янычарагу; учинил и своих общих судей, которых называют казиаскерами. . . (визирь) подал подозрение,

[1] Н. Попов. Еще географическое сочинение П. А. Толстого: «Московские ведомости», 9 сентября 1859 г., № 214, стр. 1574 и 1575.
[2] Цит. Каптереву. Указ. соч., гл. V, стр. 387.
[3] Там же, гл. VI, стр. 504.

что имеет в виду и других вельмож заменить своими, чтобы, будучи визирем долгое время, переменить потом и султана и поставить султаном малое дитя, сына дяди султана, чтобы пользуясь малолетством султана, иметь его в своей воле и быть всегда при нем визирем. Нынешний султан, подозревая визиря, потребовал его к себе и призвал в свои палаты 14 декабря. . . султан заключил его в некоей палатке, потом тотчас послал и взял у него печать, и ночью, спустя по веревке с одною подушкой и с единым слугою, и посадя его на каторгу послал. А так как та каторга поутру возвратилась назад, то ясно, что утопил его в море, а визирем учинил некоторого своего старинного слугу. . .» [1]. Петр высоко ценил заслуги Досифея, лично писал ему, рекомендовал ему Толстого перед отправлением того в Турцию, указав Толстому, «чтобы будучи ему тамо, советы свои приобщил с блаженством вашим, как и прежние наши послы, будучи там учинили. . .» [2].

Посольские донесения, равно как и донесения других агентов, являлись надежным и верным источником информации для правительства. Они же, в известной мере, лежали и в основе информации для первой русской газеты, основанной Петром I в 1703 г. под названием «Ведомости о военных и иных делах, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах» [3]. В этой газете помещались сообщения о Турции как поступавшие непосредственно из Турции, так и, повидимому, заимствованные из немецких, голландских газет.

Так, например, мы читаем в «Ведомостях» от ноября 1713 г.: «Его царского величества полномочные послы пишут. Из Адрианополя от 6 и от 13 чисел сентября» [4].

Первый номер петровских «Ведомостей» вышел 2 января 1703 г., а уже в февральском номере появилось сообщение: «Из Адрианополя многие вести пришли, что новый везирь. . . радеет чтоб христианству паки новою войною досаждать и янычар удовольствовать, и паки на королевство и водным и сухим путем напасть и воевать, и для того силное войско на море вооружить и воинское надобие на будущее лето изготовить радеет» [5]. В шестом номере газеты от февраля 1703 г. опублико-

[1] Цит. по кн. Н. Каптерев. Указ. соч., гл. VI, стр. 509.

[2] Н. Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Серг. посад, 1914. Приложения, № 10, стр. 561.

[3] См. «Ведомости времени Петра Великого», вып. I и II. М., 1903 и 1906. В дальнейшем — «Ведомости».

[4] Ведомости», вып. II, стр. 189.

[5] «Ведомости», вып. I, стр. 19. П. А. Толстой в 1703 г. находился в Адрианополе, где пребывал в то время султанский двор. В февральском же

вано сообщение: «Из Адрианополя пишут, что французы промышляют и зело труждается тамо обретающийся французский посол нынешнего везира на то приговорить, что-б он силы воинские турские против цесаря римского повратил, или развращение в венгерской земле учинил. . .» [1]

В мартовском номере (седьмом) под тем же трафаретным началом — «Из Адрианополя пишут» напечатано сообщение о том, что «Салтан непрестанно скорбеет водяной болезнью и так малая надежда на выздоровление его. Новый визирь сухим и водяным путем великое воинское изготовление чинит» [2].

В мартовском же номере (одиннадцатом) мы находим любопытное свидетельство о торговых связях между Россией и Турцией: «Из Азова Русские торговые люди с пограничными иноземцы в Азове торги свои отправляют изрядно и в Царьград отходят, также и к нашим из Царьграда и от иных стран приходят с разными товарыми свободно и от того себе поживление имеют немало» [3]. Недостаток места не позволяет нам привести и другие сообщения за ряд лет из Адрианополя, Константинополя, а также сообщения о событиях в Турции, полученные из Вены и других европейских городов. Но и приведенных цитат достаточно, чтобы показать, как широко была поставлена информация о событиях в Османской империи. Сообщения эти были не только политического характера. Так, в «Ведомостях» от июля 1719 г. отмечалось, согласно донесению, полученному от курьера посланника Дашкова, «что перед Петровым постом за несколько дней было в Царе-Граде трясение земли 3 дни, от которого городовой стены к морю развалилось сажени на две» [4].

Важным источником для ознакомления с ближневосточными делами являлись путешествия торговых людей и паломников. Так, в «Ведомостях» от января 1704 г. сообщалось: «Из турецкой земли приезжие торговые люди возвещают, что в последнем бунтовании Салтан Мустофа в заключение посажен, и новым Салтаном также не удоволены и с престола его ссадить хотят. . . По всей земле выкликано, что-б к войне готовились, а куды, того не ведомо» [5].

номере (№ 5, стр. 17) сообщается, что посланный из Индии слон привезен из Шемахи в Астрахань, что кроме калачей ему «исходит питья по два ведра чихирю астраханского».

[1] «Ведомости», вып. I, стр. 23.

[2] Там же, стр. 26.

[3] Там же, стр. 32; см. также Д. М. Лебедев. Указ. соч., стр. 362.

[4] Там же, вып. II, стр. 274.

[5] Там же, вып. I, стр. 106.

В петровский период, как и раньше, продолжались путешествия паломников на Ближний Восток. До нас дошло несколько записок паломников.

В 1704—1707 гг. было предпринято путешествие иеромонахами Макарием и Селиверстом из Новгорода Северского в Иерусалим — через Киев, Фастов, Немиров, Сороки, Яссы, Галац по Дунаю и далее морем до Константинополя [1].

В записках наряду с типично паломническими наблюдениями религиозно-мистического характера содержались и наблюдения географического, бытового и этнографического характера, свидетельствовавшие о наблюдательности и довольно широких интересах этих двух паломников.

Как и многие другие, Макарий и Селиверст дают описание входа в Босфор: «Два столба высокие сильные и мурованные, а на тех столпах каждой ночи горят свечи в фонарях».

На Босфоре они отмечают прибрежные укрепления — «в тех городах гармат вельми много стоят, а все по над водою поприправлено; а то поделано для ради сторохи, чтобы с Черного моря до Царяграда никто не прошел без ведома». В Константинополь они прибыли 10 апреля.

«И познали мы своих людей Русских, ездячих в каюках по морю, которые люди взяли нас в свои каюки с корабля и привезли нас на Бешик-Таш до священника Русского отца Григория».

В Константинополе они прожили два месяца; описывали его довольно трафаретно. Путешественники отметили, что в «Царьграде не имеется ни реки, ни колодезя, что-б вода была сладкая, токмо вода приведена под землею за 5 миль и пущена в Царьград на многия части по улицам и по дворам, всюду идет вода рурами из тат и столпов мурованных, и есть воды довольно». Говорят они о том, что «людей в нем не только турков, но и всякого языка неисщетное множество». 10 июня паломники отплыли из Константинополя. Они дали в традиционной, паломнической форме описание морского пути до берегов Египта, не оставляя, однако, без внимания того, что в Дарданелльском проливе «гармат вельми много». В Родосе «гармат всяких многое множество» и на островах Белого (Средиземного моря) «овощей много размавитых, яко-то: ли-

[1] Паломники—писатели петровского и послепетровского времени или путники во святой град Иерусалим — с объяснительными к тексту примечаниями архимандрита Леонида. См. «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1873, кн. 3, июль—сентябрь (отд. «Смесь»), стр. 1—26.

мона, померанцов, миндалов, смоквин, рожков, винограду и иных овощей весьма много».

В Египте особенно привлекло паломников устройство водоснабжения: «Первое дело, как вода выведена: во Александрии реки никакой нет кроме моря, а морская вода весьма солона, никак пить (не мочно) и есть Нил река, которая идет в Египецкой земле, а из Александрии до реки Нилу дни 4 ходу, и от той реки Нилу ведена вода под землею даже до Александрии».

Паломники отметили значение Нила для страны: «И та река всю Египецскую землю напаяет: не бывает дождь, а не тож зима, и та река Нил, как приидет в Спасов пост вода, то все поля Египетстии понапояет вместо дождя; еще же те люди, тамошние жители, наполняют рови и пускают на нивы свои и задерживают на нивах, то вторичны плод земля принесет».

«Овощей теж в Египецкой земле больше нет, кроме фиников; как в нашей земле гаи (т. е. рощи. — *Б. Д.*) великие, то в Египецкой земле так финики; а солнечная горячность неизмеримая и земля Египецкая не веселая, также и люди очень нехорошие» (почему люди нехорошие — паломники не объясняют). Кроме Александрии паломники посетили Каир (старый Египет), Дамиетту — и далее морем направились в Яффу [1] и затем через Лиду — в Иерусалим. Путь этот описан как очень тяжелый и страшный: «А весьма трудны путь и страшны, которым путем отнюд не можно малой дружине пройти за Арапами, так тож и дорога трудна, ибо горы весма высокии и все камень един, а промеж теми горами должно ити, и тут Арапе, заступивше, разбивают: а на тех горах нет никакого дерева, ни воды и горячность пребезмерная».

В Иерусалиме паломники пробыли около года. Описанию святынь города и окрестностей и всякого рода легенд посвящено более половины всей книги. Хозяйственной стороне внимания уделено мало; паломники, однако, рассказывают подробно, как в Иерусалиме собирают и хранят дождевую воду.

Обратный путь на родину паломники начали в сентябре 1706 г. Вблизи Кипра они попали в сильную бурю и были занесены в г. Адалию. Дальнейший путь они совершали по маршруту, дотоле русским путникам неведомому. Они воспользовались тем, что из Адалии шел в Царьград караван, к которому и присоединились.

---

[1] Макарий и Селиверст были снабжены султанским фирманом, полученным для них П. А. Толстым.

«И пошли с теми кораваном землею до Царяграда, а ехали все верхами; ибо там возами отнюд не можно проехати за страшными велики горами каменистыми, так теж и в малой дружине некак (нельзя) итьти за великим разбоем. И шли тем путем зимним с турками дней 30 и пришли до города, который называется Бруса и то есть Никея». Из Брусы паломники отправились в Царьград, где прожили зиму и весной, в 1707 г. на корабле вернулись на родину. «И пойдохом радующеся из Царьграда к Российскому царствию». Путешествие продолжалось с декабря 1704 до июля 1707 г.

В 1707—1709 гг. путешествовал монах Ипполит Вишенский. Он проехал из Нежина через Киев, Яссы, Бухарест и Царьград в Яффу, куда он прибыл 9 апреля 1708 г. Из Яффы он отправился в Дамиетту и по Нилу — до Каира. Через пустыню он прошел до Синая, вернулся в Каир, оттуда приплыл в Сайду (Сидон), посетил Дамаск, вернулся в Сайду и оттуда морем — в Яффу. Через Рамле и Эмааус прошел в Иерусалим, куда прибыл 2 сентября 1708 г. и здесь оставался до 28 апреля 1709. После Иерусалима Вишенский через Яффу и Афон направился в Царьград, и в том же году вернулся в Чернигов [1].

В октябре того же 1707 г. находившийся при российском посланнике (резиденте) П. А. Толстом священник Андрей Игнатьев и его брат Стефан отправились из Константинополя через Египет в Иерусалим на Синайскую гору [2].

Путешествие их облегчалось фирманом, полученным Толстым от султана. Наполненное подробным описанием посещенных святынь и святых мест, путешествие это особого интереса не представляет. В области хозяйственных наблюдений Игнатьев отмечает роль Нила, орошение: «А по той реке Нилу, даже до самого Египта (т. е. Каира. — *Б. Д.*) по обою страну все сады финиковыя зело превеликия и изрядныя, сказывают, что, де есть ширины верст на 5, а во ином месте на десять, во владении тамошних жителей у жителей у Арапов и Турок до Рахити по обою страну реки зело место влажное и ниское и многокамышное, земля черная иловатая, и много по той

[1] Рукопись «Пелгринация», или путешественник честного иеромонаха Ипполита Вишенского, не издана. О нем см.: 1) N o r o f f. Pelerinage en terre Sainte de l'igoumène russe Daniel, 1864, стр. 214. 2) T o b l e r. Bibliographia Geographica Palestinae, 1867, стр 120. Также особенно: 3) В. Х и т р о в о. Палестина и Синай, ч. 1, вып. 1, СПб., 1867, стр. 23—26. 4) С. П о н о м а р е в. Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи. «Сборник Отделения русского языка и словесности Акад. наук», т. XVII, вып. 2, 1877, стр. 11.

[2] Описание путешествия: «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских». . ., 1873, кн. 3, разд. V («Смесь»), стр. 27—54.

земле сеют пырынис, а по нашему пшено Сарачинское, и родится, де, много, а егда потреба бывает в сады воды, есть много копаных кладезей при брезе, и в каждом соделано великое колесо, таскают воду волами и пущают в бразды, а иныя из самой реки пущают воду, выкопав бразду».

Из Иерусалима Игнатьев вернулся в Египет и оттуда в мае 1708 г. направился на Синайскую гору с караваном из Каира. «. . . Той караван весь с пшеницею Салтацкою до пристанища, глаголемого Суевизии (Суец), которое есть в самом лимане Чермного моря пристанище; и шли с боязнию от разбойник Арап два дни и две нощи, степью все гладкою и такою сухою, что ни воды, ни травы, и никакова древа: воду везли в козиих кожах, а из того пристанища поднимают оную пшеницу тамошними Черноморскими кораблями и отвозят в Мекку, идеже их Турецкое поклонение; там же есть и гроб их богомерзского пророка Махомета. . . И отвозя ону пшеницу, паки на те же верблюды накладают в мешках кофе и отвозят в Египет». Описание интересно некоторыми деталями, относящимися к торговле с Меккой и Йеменом. Из Синая путники вернулись в Египет и отплыли в Царьград, куда прибыли в сентябре 1708 г.

Через несколько лет после поездки Игнатьева другой священник — иеромонах Варлаам, капеллан фельдмаршала Б. П. Шереметева, был отправлен на службу к русским послам барону Шафирову и графу Шереметеву. В обозе турецкого войска он прибыл в Адрианополь 29 сентября 1711 г. и в ноябре — в Константинополь. После подписания мира с турками Варлаам отпросился у послов и в августе 1712 г. направился в Иерусалим, снабженный султанским фирманом[1].

Варлаам подробно описал Дарданелльский пролив. Описание это представляет известный интерес: «С Калиполя паки яхомся морского плавания до кастелы или фортеции Турской морем зело уским миль 40; оная кастела или по Турску богаз, построена есть от Турков со обоих стран берегов морских, рада сбережения Царьграда от Малтезов и Венециан, в ней же обретается пушек множество малых и великих, и караул велик, стерегущ проезду днем и нощию. С той кастелы пойдохом во вторую миль 17, в ней же такожде, яко же и в первой, со обоих стран брегов пушек премножество обретается».

Перегринация или путник Варлаама в целом представляет описание святых мест Палестины — Иерусалима, Вифлиема

---

[1] См. «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. . .», 1873, кн. 3, отд. V («Смесь»), стр. 55—78.

и др. Гражданские элементы в нем совершенно незначительны. В Иерусалиме Варлаам узнал о нарушении мира между Турцией и Россией, о том, что посажены в тюрьму русские послы (речь идет о П. А. Толстом, П. П. Шафирове и М. Б. Шереметеве). Боясь быть арестованным иерусалимским пашой, он решил бежать на Синай и далее в Венецию. Он благополучно добрался до Кипра, но здесь был арестован. В тюрьме на Кипре Варлаам просидел год и три месяца и освобожден был 14 марта 1714 г., после подписания мира, по настоянию Шереметева и Шафирова.

К петровскому же периоду относится путешествие старообрядца, московского священника Иоанна Лукьянова, отправившегося на богомолье и в торговых целях захватившего с собой рухлядь. Необходимо отметить, что даты этого путешествия, отмеченные на титульном листе книги Лукьянова, а также в проезжей грамоте, бесспорно неверны. Во всех известных нам изданиях эти даты относятся к 1710—1711 гг.[1] В этих же изданиях проезжая грамота, прилагаемая к путешествию и подписанная Петром, датирована 15 июня 1710 г. Эта дата и вызывает весьма большое сомнение. В проезжей грамоте указано, что Лукьянов отпущен в государство «Великого государя Мустофы салтана, величества Турецкого». Между тем, как известно, султан Мустафа, т. е. Мустафа II, царствовал с 1695 до 1703 г., когда был свергнут и уступил престол Ахмеду[2]. Ошибочность датировки, таким образом, бесспорна. Это обстоятельство было разъяснено вскоре после выхода в свет книги — в письме, написанном М. Максимовичем, ее издателю Бартеневу. В этом письме автор указывал, что упоминавшийся Лукьяновым воевода (губернатор) Фамендин занимал свой пост в 1700—1701 гг. и скончался в 1701 г. Он же отмечает, что упоминаемого в книге Семена Ивановича Палея Лукьянов не мог видеть в 1710—1711 гг., поскольку того не было тогда на Украине. Наконец, отмечает Максимович, хотя в проезжей грамоте сказано, что она выдана в 1710 г., «но я уверен, что это ошибка и что в подлиннике было написано 1700 г. Грамота была дана на основании того упоминаемого в ней перемирного договора с султаном[3], который состоялся в предыдущем 1699 г.

---

[1] См. Путешествие в Святую землю Московского священника Иоанна Лукьянова 1710—1711 гг. М., 1862; «Русский архив», 1863, вып. 1—5.

[2] Восстание летом 1703 г., в результате которого был свергнут Мустафа, было подробно описано в донесениях П. А. Толстого. См. также Т. К. Крылов. Указ. соч.

[3] В проезжей грамоте имеется ссылка на «перемирный» договор, где «договорено и поставлено и утверждено во второйнадесят статье: что Мо-

В январе 1711 г. при тогдашней войне с Турцией едва ли бы и отправился в свой путь Лукьянов» [1].

Все это, в сопоставлении с именем Мустафы позволяет считать правильной датой путешествия 1700—1703 гг. (не позже). Отметим, между прочим, что в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (№ 35, стр. 10) приведена дата 1702—1703 гг. В. Н. Хитрово датирует отъезд Лукьянова 17 декабря 1700 г.

Из Москвы Лукьянов вышел 23 декабря (год в тексте не упомянут). Он шел через Калугу, Лифин, Белев, Орел, Кромы, Севск, Глухов, Королевец, Нежин, Киев. Из Киева через Фастов и Немиров он дошел до Сорок, пограничного в то время городка между Польшей и Валахией, куда прибыл 17 февраля.

В описании своего путешествия Лукьянов уделяет внимание описанию посещенных мест и отмечает тяжелое положение широких масс. «Город Сорока стоит на реке на боку на правой стороне, на брегу под горою; а над ним гора высокая зело, городок каменный высок; мы же ходихом внутрь его и мерихом; он кругл: стена от стены двадцать пять ступней ножных; и поперек тож. . . Харчь зело дорога, да и нет ничего; орженого хлеба отнюдь не сыщешь; все мелкий пшенный да ячный хлеб. . . да им и самим нечего есть; живут — а все вон глядят, хаты стоят, и те не огорожены; от турка и от господаря воложского зело данью отягчены . . .»

Из Сорок Лукьянов направился в Яссы. «Град Яси стоит на горе красовито; около его горы высокия; зело предивной град бывал, да ныне весь разорен от турка и от ляхов; а господарь воложский и до конца разорил, данью отяготил; с убогого человека, кой землю копать наймается, пятдесят рублей в год даст Господарю кроме турецкой подати. . . а нарочитому человеку тысяча талерей; средний пятьсот даст. . . а они у турка накупаются дачей великою, так уже без милости дерет» (т. е. господарь, получивший за взятку свой пост, дерет с населения. — *Б. Д*). «Воложская земля вся пуста; разбрелися все; иные в Польшу, иные к нам в Киев, иные в Палею. Кабы эта земля не разорена — другой такой земли не скоро сыщешь! обетованная земля: всячину родит! они и сами сказывают, у нас де есть и златая руда, и серебренная, да мы де

сковского народа миряном и иноком иметь вольное употребление ходить во святой град Иерусалим» (Перемирный договор был подписан в 1699 г. сроком на два года).

[1] См. «День», ежедн. газета, издаваемая Ив. Аксаковым, 1865, № 33, стр. 795—796.

таим, а когда бы де сведал Турок так бы де и поготову разорилося от той руды». Лукьянов рассказывал, что господарь притеснял местное духовенство, заменил его греческим, которое вело распутный образ жизни.

Из Ясс путешественник направился в Галац и 15 марта отправился в Константинополь. Он дал описание Босфора: «А когда мы вошли в проливу меж гор — тут на воротех морских на горах высоко стоят столпы; ночью фонари с свечами горят; знак, как кораблям ночью попасть в гирла. . . И мало пошед стоят два городка по обе стороны турецкие, и пушек зело много; эти городки для воинского опасу сделаны; зело крепко. Мудро то место пройти. . .»

Лукьянову очень не понравилось, что греческие монахи и сам патриарх вымогали у него подарки, не давая без этого помещения для жилья в Константинополе, в то время как в Москве представители греческого духовенства живут хорошо и «волочатся за милостыней». «А плачут: обижены от турка. . . Напрасно миленького турка, то старцы греческие оглашают, что насилует; а мы сами видели, что им насилия ни в чем нет: и в вере ни в чем; все лгут на турка. . . греки нам тошнее турок стали. . .» Нелюбовь к греческому духовенству, роднящая его, например, с Арсением Сухановым, не позволила Лукьянову подробно и объективно оценить отношение турок к христианам — грекам. «. . . Греки нравы и поступки внешние и духовные все с турецкого переводу. . . турки милостивее греков. . . греки московских людей зело не любят».

Лукьянов подробно описывал Царьград, его площади, улицы, дома, мечети и т. д., отмечая, что в городе нет ни пушек, ни укреплений, но «всякий снаряд у них на кораблях, и опаска всякая воинская вся на море, а по земле у него нет опасения».

«Воровства в Цареграде и мошенничества отнюдь не слыхать, там за малое воровство повесят, да и пьяных Турки не любят, а сами вина не пьют, только воду да кагве (кофе), черную воду гретую. . . Товаром Царьград гораздо товарнее Москвы. . . всяких товаров впятеро перед Московским. В Царьграде рядов зело много, будет перед московским втрое. . . В Цареграде сады в великий пост на первых неделях отцветают, овощь всякий к Светлому Воскресенью поспевает; боб, свекла, ретька и всякий огородный овощь; и всякие цветы: пион с товарищи. . . В Цареграде хлеб все пшеничный, арженаго нет хлеба; пекут все армяне, а мельницы все лошадьми мелят. . . В Цареграде раки велики зело, по аршину. . . (Омары? — *Б. Д.*). В Цареграде нет печей, да и по всей державе Турецкой, ни лавок в палатах, ни столов, все на земле

сидят, ковры разослав. . . да и подушки — лежат, так подогнув ноги сидят, да так и едят. А варят яства на таганах, а зимнее время держат уголь в горшках, да так и греются».

Рассказывал Лукьянов о встречах в Константинополе с московским купцом Василием Никитиным Путимцом, которому Лукьянов и его спутники (их было пятеро) поручили продать привезенный ими товар. Много внимания уделял он описанию имевшихся на рынках товаров, приводил их цены, рассказывал об обращающихся в Константинополе деньгах и существовавшем соотношении между валютами отдельных стран.

Посетил Лукьянов и каторги с русскими невольниками, которые роптали, что Украинцев «замирился с турками, не добившись их освобождения». «А нас де для чего не освободил, мы де за него Государя умирали и кровь свою проливали; а теперево де неволю терпим: да кричат лихоманы не опасаючи во весь голос». К каждому веслу (лопате) на каторгах было приковано по пять-шесть человек, «где сидит, тут и спит», — отмечал Лукьянов.

«. . . В Цареграде салтан не живет, но все в Едрипополе живет, а тут боится жить от янычер — убьют. У них янычеры своевольны, пашу ли или полковников, хошь малую увидят провинность, так и удавят. В Цареграде часто бунты бывают, а все от янычер. . . и при нас бывал». Такова яркая и красочная картина жизни и быта Константинополя, написанная русским священником Лукьяновым.

Из Царьграда Лукьянов съездил в Адрианополь «для грамоты салтанской», т. е. для получения фирмана на поездку. Он так описывал этот город: «Град Адрианополь стоит в степи, пол его на горе, а пол на ровном месте: окладом и жильем побольше Ярославля: град каменный, хуже Царяграда; строения, рядов много и товарны сильно ряды; мечетей сильно-ж много; двор царский стоит у реки, весь в садах; река под ним поменьше Москвы реки, да тиновата».

Прожив в Адрианополе шесть дней и получив султанский фирман на поездку в Иерусалим, Лукьянов отплыл в Египет. «И Августа 11 дня прийдохом к Нилу реке, что из рая течет; зело мутна; море все смучено с глиною верст на тридцать всюду кругом; и недошед устья Нила реки верст за 5 стахом на якори, для того что тут от реки море мелко, песком нанесло». Путники пристали на лодках к Рахиту «и увидехом арапский род, зело ужасохомся: необычно таких людей видать, что звери. . . а иные наги, что мать родила, и все изуверные: иной крив, иной разноок, иной криворот, иной слеп; а язык

грубой, что псы лают. . . ходят наги: девушки лет по 12, по 15 ходят нагия; так как не ужас. . . Во Египте дождя никогда не бывает; все рекою всю Египетскую землю напояют, везде борозды проведены да воду по нивам пущают. А Нил река низка, берега низки, бежит в ровень с берегами. Овощь всякий в Египте дважды в год поспевает, и хлеб такожде дважды снимают. . .» Плывя вверх по Нилу — до Дамиетты, Лукьянов отмечал: «И видехом тут по Нилу реке городков арабских и сел бесчисленное множество, невозможно изчести, что песка морского, городок от городка версты две. А земля около Нила добрая и черная и ровная, будто нарочно делана, нигде нет ни бугорчика, хоть яйцо покати, такова гладка, а людей многое множество, а вода во всю землю египетскую пущена из Нила. . . А где берега высокие, так тут волами воду тянут, а колеса сделаны что мельничные, да кушины навязаны, да так и наливают; и инде кошелями люди льют. Зело земля Египетская довольна всем, и людьми, и жильем. Что говорить. Эта земля у Турки золотое дно, всячина из Египта в Царьград кораблями идет».

Не посетив Каира и Александрии, Лукьянов морем отправился в Палестину. Некоторое время Лукьянов прожил в Яффе (Иопии). «А когда мы жили в Иопии, видехом бедство великое, как разбойника разбивают корабли; а разбойники Малтискаго острова немцы, люты злодеи; все море затворили; их отпущает разбивать папа Римской из полу да и благословение дает им, на всякий год отпущает по тринадцати голен» (род корабля).

Участие папы римского в половинной доле в разбоях мальтийских рыцарей не ускользнуло от внимания Лукьянова.

Во время пребывания Лукьянова в Палестине шли военные действия между арабами и турками, арабы напали на Рамле, где жил Лукьянов.

С караваном в полторы тысячи человек Лукьянов пошел в Иерусалим; по дороге караван подвергся нападению арабов. Мы не останавливаемся на описаниях Лукьяновым Иерусалима и других мест Палестины, данных в чисто паломническом духе и не представлявших интереса.

18 января (очевидно, 1706 г.) Лукьянов из Иерусалима начал обратный путь в Россию — через Яффу, Акру, Дамиетту. Он оказался свидетелем бунта в Дамиетте: «Мятеж был великий в народе: пришел от турка указ, чтобы малыми деньгами не торговать, да что-б туркам вина не пить и не шинковать, а грекам бы платья зеленого не носить, также и красного, носить бы черное и белое; так за то было учинился бунт в Домяти».

На пути из Египта в Константинополь корабль, на котором плыл Лукьянов, простоял более двух недель под Кастеллориццо, опасаясь нападения со стороны пиратских кораблей.

Вернувшись в Константинополь, Лукьянов встретил здесь русских купцов — калужанина Ивана Кадмина с братом, купцов Житковых, приказчиков московского гостя Исаева и Матвея Григорьева.

Во время пребывания в Константинополе Лукьянов оказался свидетелем янычарского бунта, который он описал следующим образом: «Потом на третий день нашего пришествия учинился бунт в Цареграде, от янычар Турецких. Сказана была им янычарам служба итить на катаргах на Черное море под Керчь и на Кубань реку, в море устья заваливать камнем, чтобы Московские корабли с войском не прошли; и те янычары пришли к пушкарскому голове жалованья просить, и голова жалованья им выдал полное, а янычары стали просить за прошлые годы от азовской службы походное жалованье и голова сказал: мне де указу такова от салтана нет, чтобы вам за прошлые годы подъём давать, ведь де вы службы не служили, за что де вам давать? Так они взявши голову да и удавили, а удавивши да и пошли по рядам грабить ряды. . . Мятеж по всему Царьграду до ночи не утишился и везде в домах по всему Царюграду ужас великой, крик, писк бабий, ребячий. А то и кричат: Москва пришла! Московские корабли! Увы, погибель пришла Царьграду! А дворы заперши да ямы капали да добро прятали; и турки ходячи по Царюграду с дубьем да бьют в ворота, чтоб не мятежились, а сами говорят: «нет Москвы, нет! то де янычеры взбунтовали. И к ночи едва унялся мятеж, мы же зело подивились, куда мол на турката ужас напал от московского государя, а сами удивляемся»[1]. Из Константинополя Лукьянов поехал морем и встреченные им в Константинополе купцы поехали сухим путем. При выходе из Босфора, отмечал Лукьянов: «Стоят два городка турецких для московского опасу по обе стороны, пушек зело много, а городки вновь поделаны; боялся турок нашего государя приходу в Царьград». Доехав по Дунаю до Галаца, Лукьянов встретился там с купцами, поехавшими сухим путем и вместе с ними продолжал путь до Киева.

Путешествие Лукьянова — весьма интересный памятник любознательного и внимательного путешественника начала

[1] Этот рассказ о бунте позволяет утверждать, что путешествие относится к периоду 1700—1703 гг., ибо из упоминавшегося ранее донесения Толстого видно, что именно в 1703 г. были слухи о намерении завалить камнями «керченскую протоку».

XVIII в., живо описывавшего места, которые он посетил. Особый интерес представляло сообщение Лукьянова о том страхе, который испытывали турки перед Россией после азовских походов Петра I.

Говоря о путешествиях в Турцию при Петре, необходимо упомянуть о поездке Александра Ивановича Румянцева (отца будущего фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского), посланного Петром в 1712 г. после подписания Прутского договора для ратификации его султаном. Румянцев впоследствии еще 2 раза ездил в Турцию (в первый раз он вернулся из Турции 9 мая 1712 г.).

К первому двадцатипятилетию XVIII в. относится описание дорог от Киева до Константинополя, «сочиненное в 1714», помещенное в старинной рукописи и опубликованное в 1853 г.[1]. Описание свидетельствовало о том, что дороги эти были хорошо знакомы не одному русскому путешественнику. Описание приводит следующие дороги: первая дорога через Бендеры (через Фастов, Немиров — 55 миль). «Положением Бендер над рекою Днестром и содержатся в нем две каменные фортеции, одна новая окружностью не малая больше версты, а другая прежняя, что именовался Тягин. . . Около тех фортеций рвы глубокие, выкладены из нутри камнем и с трех сторон от сухова пути сделаны роскаты земляные с пушками, и больше ста пушек на них содержится: а с четвертой стороны от Днестра у новой фортеции бастионов и раскатов и пушек нет, и стоят вместо крепости по берегу Днестровому домы каменные. . . и плоше сего места нет; а другое слабое место с Волоскую сторону, понеже подошли по близку горы, с которых бомбами и пушками в город действовать способно. Гарнизону в том городе бывает с переменою Турских янычар и спагов и Татар по две тысячи, а иногда с прибавкою. Караулы по городу денно и ночно крепкие. . .» (№ 34). Далее следовало описание дороги от Бендер Буджацкой степью до Дуная (16 миль, а часами 32) и от Дуная до Царяграда (62 мили с полумилей) через Бургас, Чослу, Селиврак, а часами 125 — итого от Киева до Царяграда 133 мили с полумилей.

Второй путь из Киева до Царьграда описывался как путь через Волосскую землю — от Киева через Васильков на Немиров, через Буг на Сороки, через р. Прут на Яссы, Бурлат, Галац, через Дунай на Мачин, Базарджик, Кирхклесы (Киркилиси), Адрианополь. Отмечается, что в Галацах есть малая фортеция с артиллерией и амуницией, что Фоки — «жили-

[1] «Киевские губернские ведомости», 1853, № 34, 35, 37, 39.

щем не малое, хлебом и живностями и виноградным вином довольное, что в с. Девлет Ачаги провианту достать можно,— а Коджет Архал весьма во всем скудная. От Сороки до Царяграда 145 часов».

К петровскому же периоду относится и путешествие посадского человека Матвея Гаврилова Нечаева, совершенное им в Иерусалим в 1719—1720 гг.[1] Из Ярославля на Волге Нечаев отправился 16 июля через Польшу и Молдавию на Константинополь, откуда морем — в Иерусалим. От Галаца до Константинополя ехал не Дунаем и морем, а через Мачин-Хаджи-оглу-Базарджик (к северу от Варны) через Балканский хребет: «Между тех гор дорога по камени сплошь, все велми трудно, и чрез те высокие горы идохом 2 дни; путь весьма жесток через горы: купецкие люди товары сбавливают с каждой телеги, — буйволы, — и провозят самою мелкою кладью. И с тех великих гор, от левыя страны издалека видеть Черное море. И снидохом съ гор к местечку, идеже живут болгары и турки, а оттуда идохом до местечка Карнабав» (т. е. Карнабад). Из Карнабада Нечаев проехал в Адрианополь, который описывал так: «Адрианополь град строен и стоит на ровном месте; от левыя страны только близ его гора: стен и башен отнюдь не имать; только округ стенами палатными огражден. Близь его малая течет река. А в нем строение преизрядное; гостинных дворов и лавок много; кровли крыты свинцом; воды из земли во многих местах проведены сладкия или полезныя к питию. Мраморного строения зело много. И весьма то место чисто и прохладно, стоит во отдалении моря; понеже и самими турецкими салтанами любим бяше град той, в нем же из Царяграда султаны часто обитают. . . Тамо же строения преизрядные, и лавки весьма хороши, столпы и палатки, истесаны из каменя мрамора белого, аки из древа; тамо всякая овощиа до изобилия; виноград и вино сладкое; хлебы пшеничные весьма белы и вкусны. . . И аще де с которым государством у турков брань зачинается, то в Адрианополь бывает съезд, и оттоле турки поход имеют». Из Адрианополя Нечаев пошел на Царьград через Силиври, Буюк Чекмедже и Кучюк Чекмедже, отметив: «От Адрианополя дорогою до самого Царяграда выстлано камением и местечки и станции».

В Царьград Нечаев прибыл 8 ноября и пробыл там 32 дня. «И пребых в Цареграде 32 дни, и походил тамо, елико возмо-

[1] «Путешествие Посадского человека Матвея Гаврилова Нечаева в Иерусалим (1719—1720 гг.)». Изд. под ред. Н. П. Барсова. Варшава, 1875. Датировка 1719—1720 гг. неясна. Сам Нечаев пишет, что он начал свое путешествие: «Лета от воплощения слова божия 1721 года, июля в 16 день».

гох; ибо красоте и месту граду зело почудихся, и толику множеству народа, и пристанищу корабельному, со обоих морь кораблей, и каторг множество, каюков морских, больших и малых премногое множество, и всяких товаров и овощей бесчисленно; палаты высокие, лавки и ряды зело дивны устроены. Со удивлением кто не позавидит такому месту прекрасному в руце неприятелей? . . А живут по всему Царюграду весьма тесно: улицы узкия, палаты высокия, жила по три; во иных улицах так тесно, что невозможно на телеге проехать, разве верхом. А платье носят долгое; любят боле всего зеленый цвет да жолтый. Жены их ходят турчанки; рожа мало не вся покрыта; понеже у турков та обыкность под зазрением немалым». Нечаев дал также общее внешнее описание Константинополя: «Около всего граду 24 врата. Царьград на 3 углы поставлен, — сии речь на три стены; с одной страны сухой путь. Близ града — ров под стеною каменною; за ним вал; на валу, выше его стена каменная. По воротам — караул — стоят янычаня, городовые ворота нешироки; башни непокрыты поставлены часто; загороды выставлены; в стенах ветхости много. .»

Как и Лукьянов, он посетил каторги, видел там много русских невольников. «Тамо, по тем каторгам, видал многих невольников — наших русских, и из других земель; есть же в той неволе и от священного чину скованы. О, коль на тех каторгах многу нужду претерпевают, ея же описати не вем. . . иже от горести плачут и вопиют: «лучше бы нам не родиться!» Иже многие себя в море сами бы пометнути готовы, но того они стерегут крепко: невольников приковывают. Сказывают, в каторге невольников ста по три и по четыре. . . А покупают невольников на каторги на ясых базарах дорогою ценою всякого человека: по 200 и по 300 и по 400 тарелей в человек». Русских пленных-невольников Нечаев видел и на о. Родосе, «от Пензы кубанцами плененные и тамо проданы грекам». 9 декабря Нечаев отплыл из Константинополя. При выходе из Дарданелл его внимание привлекли укрепления в последнем городке, который «стоит к самому устью, близко Широкого моря, его же называют Кастель-Буиз. Тамо караул крепкий; а подле самаго моря и городовой стены стоят на обрубе каменном от правой стороны пушки со всем нарядом, и при них фитили горят. . .»

По пути в Иерусалим Нечаев на несколько дней останавливался на о. Зима, Родосе и Кипре. «А на том острове живут немецкие резиденты; потому что много немецких кораблей в Кипрский остров приезжают. Масла деревянного, и вина, и винограду, пшена сорочиненного, лимонов, рожков, фини-

ков тамо богато. . . Еще же на том острове родятся древа, которым листвием тем кормят червей, кои черви родят шолк. Остров той велми велик и многонароден».

Из Кипра на французском корабле Нечаев доплыл до Яффы. В пути корабль подвергся осмотру со стороны мальтийских пиратов — но французского корабля они не ограбили, как объяснял Нечаев, «понеже ти малтизы тоя же земли и веры и под тем же французом жительство имеют». Но «при нас на море другим кораблем взяша 2 корабля, и все пограбиша». Далее он отмечал: «Тии бо разбойницы турков берут в полон, а у христиан все отнявша имение, самих отпускают на волю».

В Рамле Нечаеву пришлось задержаться на 8 дней, «понеже тогда арапы около святого града Иерусалима возмутишась, хотяще нам путь возбранити за то, что их пашу в Цареграде салтан казнил смертию, а на его место иного пашу им посадил: того ради мног мятеж тогда у них учинился».

При помощи турецких властей, подкупивших арабов («той паша дарами удоволи оных арапов»), Нечаев и его спутники сумели проехать в Иерусалим, куда прибыли в начале марта. Описание Иерусалима в целом дано в общепаломническом духе. Рукопись Нечаева не закончена, не хватает последних листов. Заметки отличались большой краткостью, но все же представляли (хотя и в меньшей мере, чем записки Лукьянова) известный интерес в части описания сухопутного пути, о русских в неволе и о мальтийских пиратах. Нечаев назвал в своей книге имя русского резидента при султанском правительстве, Ивана Ивановича Неплюева, одного из младших «птенцов гнезда Петрова», предназначавшегося для военно-морской службы. Затем он был переведен на дипломатическую службу и в 1721 г. сразу же назначен, в возрасте 27 лет, резидентом в Турцию. К месту своего назначения Неплюев отправился сухим путем, затем по Дунаю и через Балканы [1]. На своем посту в Турции Неплюев пробыл 14 лет. С деятельностью И. И. Неплюева в Турции связано заключение русско-турецкого договора об установлении границ между Россией, Турцией и Ираном — на Кавказе, по которому Россия не допустила Турцию к захвату прикаспийских провинций Ирана, на которые претендовали турецкие захватчики. Договор на условиях, предъявленных Россией, был подписан 12 июня 1724 г. Он был высоко оценен Петром.

Для размена ратификации в Турцию был отправлен бри-

[1] В. В. Витевский И. И. Неплюев. Основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края. Казань, 1891. Также. Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773). СПб., 1893.

гадир Александр Иванович Румянцев. Это была его вторая поездка в Турцию. Румянцев отправился из Петербурга в октябре 1724 г., 27 ноября он был в Бендерах и 26 декабря прибыл в Константинополь. Петр дал Румянцеву собственноручно написанные указания, представлявшие собой программу для изучения местности. Пункты этой программы были следующие: «1) Мера часовая, чтоб была правдивая, а не укорочена. 2) Смотреть накрепко местоположения, а именно от Баки до Грузии какая дорога, сколь долго мочно с войском иттить, и мочноль фураж иметь и насколько лошадей, и путь каков для войска? 3) Мочноль провианту сыскать. 4) Армяне далеколь от Грузии и от того пути. 5) Которых пошлет в Азов, чтоб тогожь смотрели дорогою возле Черного моря також христиане, последние далеколь живут от Тамани или Кубани? 6) Курой рекой возможноль до Грузии иттить судами хотя малыми? 7) Состояние и силу Грузинцев и Армян» [1].

Турция всячески затягивала выполнение договора и Неплюеву с большим трудом удалось заставить ее пойти на уступки. Только в мае 1726 г. Румянцеву удалось выехать из Константинополя морем в Трапезунд и оттуда верхом или в качалке проехать «по злой дороге», как он писал, до Эрзерума, откуда он проследовал в Карс, Гянджу и Шемаху.

Стоит упомянуть, что одновременно с посылкой Румянцева в Турцию был издан в 1724 г. сенатский указ об отправке в Царьград «ради обучения турецкого языка из шляхетства несколько из молодых людей. . . летами в тринадцать или четырнадцать. . . при посылки брегадира и гвардии маэора Румянцева» [2]. При посольстве Румянцева в качестве врача находился Буксбаум Иоган Христиан, ботаник, приглашенный в Россию Петром I в качестве ботаника при Медицинской коллегии [3]. Согласно данной ему инструкции, он должен был присылать образцы врачебных растений, вообще «изучать и собирать естественные предметы». Буксбаум объехал Архипелаг, Анатолию, Армению до пределов Ирана и затем через Дербент и Астрахань вернулся в Россию. Он собрал большой этнографический материал, более 400 экземпляров редких монет из Антиохии, большое собрание растений, рыб, окаменелостей.

---

[1] Соловьев. История России с древнейших времен. Том осьмнадцатый. Изд. 3. М., 1884, стр. 75—76.

[2] Цит. по кн. И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 41.

[3] При нем было начато разведение сада на Аптекарском острове в Петербурге.

Отчеты Буксбаума были напечатаны в комментариях Академии наук [1].

В инструкции на имя Буксбаума было указано:

«Он обязан преимущественно делать тщательные разыскания в трех царствах природы и присылать сюда или привести с собой все, что может быть сохранено или описано, или же сбережено в спирте, если представится к тому случай и время. В особенности должен он заниматься исследованием лекарственных растений. . . Также обязан он вести точный дневник всему, что с ним случится и с каждым курьером присылать подробные донесения в форме писем к начальнику Академии» [2]. В письмах на имя Блюментроста Буксбаум описывал путешествие. Описание состояло из перечня мест, через которые проезжало посольство с обозначением расстояний между ними в часах. В письме от 15 июля 1725 г. Буксбаум сообщал, что он нашел достаточное количество растений, неизвестных другим в окрестностях Константинополя. Позже, в августе того же года он посетил Принцевы острова (Пропонтидские). Буксбаум посетил также район Босфора, примыкающий к Буюкдере, у входа в Босфор.

Он писал Блюментросту о посещении Бруссы, о том, что «всходил на гору Олимп. . .» «высочайшую в этих странах, всегда покрытую снегом, который оттуда ежедневно привозится в Константинополь для прохладительных питей. На Олимпе он разыскал много редких растений. . .».

П. Пекарский приводил следующий отзыв академика Рупрехта Ф. И. о заслугах Буксбаума: «В кратковременную бытность свою при академии он составил сочинение о 500 новых или малоизвестных растениях, собранных им как в путешествиях по окрестностям Константинополя, в Малой Азии и около Каспейского моря, так и вблизи Петербурга. . .» [3].

В отчете Петербургской Академии наук за 1834 г. (на французском языке) в кратком историческом обзоре о работах в области ботаники в России со времен Петра I, составленном Бонгардом, отмечалось: «В 1726 появилась в России первая работа по ботанике. . . Буксбаума, украшенная 320 рисун-

---

[1] См. «Русский биографич. словарь», 1908, стр. 447—449, см. также М. Боднарский. Очерки по истории русского землеведения. М., 1947, стр. 96. У Боднарского ошибочно указано, что он был врачом при посольстве Алекс. Ив. Разумовского, на самом деле А. И. Румянцева. Особенно же см. П. Пекарский. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870, стр. 234—246.

[2] П. Пекарский. Указ. соч., т. I, стр. 235—236.

[3] Там же, стр. 246.

ками и замечательная большим количеством новых растений. . . Автор изучил флору окрестностей Константинополя: в дальнейшем, следуя по пути, пройденному известным Турнефором [1], он посетил берега Черного моря, Малой Азии, Армении. . . Буксбауму, после Турнефора, мы обязаны первыми сведениями о богатой растительности этих стран» [2]. Буксбаум в Турции занимался не только ботаникой: «Чтобы находящийся при нем живописец не оставался праздным, он велел ему срисовать красками одежды греков и турков». Среди приобретенных им 400 экземпляров древних монет у него были монеты времен Александра Македонского и многих других монет из Антиохии.

К петровскому же периоду относится и путешествие иеромонаха Рыхловского монастыря Сильвестра и Никодима в Константинополь и Иерусалим в 1722 г. [3]

Путешествие было начато 19 апреля 1722 г. Путь Сильвестра и Никодима лежал от монастыря, находившегося в Черниговской епархии, через Чернигов, Киев, Васильков, Немиров, Сороки, о котором паломники записали, что: «Сорока город с приезду полская граница, и половина города полский, а на том боку Днестра Волоский город и граница Волоская. А река Днестр посреде города идет: шириной будет з нашу Десну, тилко ж дуже быстро течет».

Перейдя границу, путники направились в Яссы, дав следующее описание пути от Сорок: «Той путь идучи до Яс велми красний: ибо гори изрядние, поля веселие и леси по обоим сторонам почасти есть, тилко ж безводное поле, води не имеет ни мало, а приездя до Яс як бы за полтори миле, река Прут от города течет». В городе Яссы, помимо перечисления церквей, путешественники отметили лишь, что «Город Яси велик и хороший, будинки изрядние». По пути от Ясс на Галац через г. Роман отмечали путники: «Много вина продается; на пути у поле криниц водних много, и церквей много каменных пустих». Прожив неделю в Галаце, путники отплыли по Дунаю и далее морем в Константинополь.

---

[1] Турнефор — французский ботаник, посетивший в 1700 г. Грецию, Малую Азию, Закавказье. Письма Турнефора из этого путешествия опубликованы в 1717 г. под заглавием: «Relation d'un voyage au Levant».

[2] Recueil des actes de la Séance Publique de l'Académie Imperiale des Sciences de St. Pétersbourg tenue le 29 decembre 1834. St.-Pétersbourg, 1835, стр. 89.

[3] См. «Труды Киевской духовной академии». Киев, 1883, май, стр. 192—204. Описание путешествия иеромонаха Рыхловского Николаевского монастыря Сильвестра и Никодима в Царьград и Иерусалим в 1722 г.

После описания входа в Босфор с традиционными «фонарями» путешественники переходят к рассказу о Константинополе, где паломники прожили с 25 июня до 15 августа на подворье резидента Неплюева, т. е. в русском посольстве. В Царьграде, писали путешественники, в это время было «поветре, моровая язва, зовомая чума, а по нашему моровиця — и на многих була, и много людей от тоей болезни умирало». Заболел и Сильвестр. «Тая болезнь и меня не восхотела оманути, но поразила мя нещадно у левой нозе, мало нижей пояса» (Вряд ли это была чума — *Б. Д.*). Неплюев переселил путников со своего подворья, а затем снабдил их фирманом турецкого султана на поездку в Иерусалим. В Константинополе, по которому путники ходили в сопровождении янычара, приставленного к ним Неплюевым, они посетили церкви и другие примечательные места. «Царигород велми хороший, будинками изрядними украшенний и великий зело, кипариси и буковии древа, на местах изрядних стоят: а город на три места учиненний».

21 сентября на корабле с паломниками путники отплыли в Иерусалим, сделав первую остановку в Секизе (Хио) и затем на Родосе. «И в том городе были и ходили везде по улицам свободно. . . Той город Родос велми крепостний, и будинки каменние, и сам город округ стенами каменними премоцно огражден. Ровы превеликие каменем вимурованние глубокие. . .». Затем паломники отмечают посещение Кипра. Далее рукопись, сохранившаяся наполовину, перерывается — на описании пути от Кипра до Сидона (Сайды).

За рассматриваемый период, охватывавший немногим более четверти века, значительное количество русских, военных и простых людей — паломников, посетило Константинополь, Малую Азию, Египет, Иерусалим и другие места Ближнего Востока, интерес к которым при Петре I еще более усиливался.

При Петре I в России была сделана первая попытка организовать специальную школу для изучения восточных языков. При нем же, в 1716 г., впервые был переведен на русский язык Коран (в переводе с французского текста), посылались за границу в Турцию и Иран молодые люди для изучения турецкого, персидского и арабского языков, положено начало изучению Востока — истории языка, религии, нумизматики [1]. При Петре была организована и первая типография с арабским шрифтом. С деятельностью Петра связана попытка создать

[1] Н. А. Смирнов. Очерки истории изучения Ислама в СССР. М., 1954, стр. 25—27. И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 40—45.

научную арабистику. «Сложившаяся в петровское время историческая обстановка требовала большого объема конкретных знаний о природных и хозяйственных особенностях отдельных территорий страны, а также и о географии некоторых зарубежных стран» [1], о их военном положении. Петр I положил твердое основание изучению зарубежных стран чинами военного ведомства, возложив его на генерал-квартирмейстерскую часть. Изданный в 1716 г. воинский устав определял, в частности, функции генерал-квартирмейстера: «Сей чин требует мудрого, разумного и искусного человека, в географии и фортификации. Генерал-квартирмейстеру подлежит: генерально оную землю знать, в которой свое и неприятельское войско обретается, если же какое место ему неизвестно, то должен таковое осмотреть, и через своих подчиненных офицеров ландкартою нарисовать и изобразить, а также потребно сему генерал-квартирмейстеру чтобы записную книгу или протокол иметь, и войскам все походы и бывшие лагери записывать и чертежи оным рисовать» [2].

В истории изучения зарубежных стран и, в частности, Ближнего Востока работы военных исследователей занимали серьезное место; начало этому изучению было положено Петром.

Картография петровского периода свидетельствовала о достаточно широких знаниях Ближнего Востока — в основе которых лежали, как это видно из предыдущего, не только иностранные источники. Одной из первых карт была известная русская карта, изданная в 1699 г. в Амстердаме Тессингом — по указанию Петра и носящая название «Карта западной и южной России» [3] Менгдена и Брюса. Содержание карты шире ее названия, ибо на ней показана вся страна от Смоленска и Москвы до северных берегов Малой Азии. Из южных частей на карте указаны Крым, Азовское и Черное моря с их побережьями. Карта составлена на латинском языке, но не подлежит никакому сомнению, что ее оригиналом явилась обнаруженная позже в рукописном отделе библиотеки Академии наук карта, снабженная русскими надписями и латинским заглавием, в переводе на русский язык гласящем: «Географи-

---

[1] Д. М. Лебедев. Указ. соч., стр. 3.

[2] См. Н. П. Глиноецкий. История русского генерального штаба. СПб., 1883, т. I, стр. 13.

[3] В. Кордт. Материалы по истории русской картографии, вып. II. Киев, 1910, стр. 26 (текст) и карта под № LXI (41). Также В. Ф. Гнучева. Географ. департамент Академии наук XVIII в. М.—Л., 1946, стр. 17. Д. М. Лебедев. Указ. соч., стр. 183—189. Я. Брюс—крупный деятель петровского времени, Менгден — полковник Преображенского полка.

ческая карта частей Малой и Великой России» [1], начерченная после Азовской экспедиции 1696 г. Области, лежащие за пределами России и в том числе Черное море, составлены бесспорно не только на основании русских материалов, но и на основании некоторых иностранных источников.

В самом начале XVIII в. (1703 или 1704) в Амстердаме на русском и голландском языках был издан атлас вице-адмирала, впоследствии адмирала русской службы Корнелия Ивановича Крюйса (Крейц, Крейс). В 1699 г. Крюйс принял участие в походе Петра по Дону и Азовскому морю, предпринятому для сопровождения корабля «Крепость», на котором был отправлен в Турцию посол Украинцев. Результатом этой поездки и явился труд Крюйса — описание реки Дона с 14 картами и составление им же карты Азовского моря. Труд этот озаглавлен: «Вице-адмирала Корнилия Крюйса описание р. Дона. . . купно с изображением Азовского и Черного морей, со всеми их губами, мелями и впадающими в них реками» [2]. Эта работа представляла собой переход от древнерусского чертежа к географической карте.

В организованной Петром I Московской гражданской типографии — первом русском картографическом производстве в 1706 г. был напечатан план города Иерусалима с надписями на славянском и латинском языках, выполненный знаменитым русским мастером В. Киприяновым (Киприанов). «Черное море и Турция помещены на изображении глобуса Земного: тщательнейшая всея Азии таблица на все части разделенная; новое и тщательное описание Европы[3], последнее без даты, очевидно, 1713 г.

В составленном Б. В. Александровым описании рукописных карт XVIII в., хранящихся в рукописном отделе библиотеки Академии наук СССР, приведен перечень ряда карт Азовского и Черного морей [4], составленных в России в рассматриваемый период, в том числе:

1. Карта Азовского, Черного и Мраморного морей и впадающих в них рек, а также народов, населяющих эти места, и главных пунктов (1-я четверть XVIII в.).

---

[1] Воспроизведена впервые в книге академика М. М. Богословского «Петр I. Материалы для биографии». М., 1940, Приложение к 1 тому.

[2] В. Берх. Жизнеописания первых российских адмиралов или опыт истории Российского флота, ч. I. СПб., 1831, стр. 150—151.

[3] А. В. Бородин. Московская гражданская типография и библиотека Киприянова. М.—Л., 1936, стр. 87. П. Пекарский. Указ. соч., т. II, стр. 653—656. (См. также: Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX в. СПб., 1895, стр. 487—489.

[4] Приложение II к книге В. Ф. Гнучевой. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.—Л., 1946.

2. Навигационная карта Азовского и Черного морей, с обозначением путей от Азова до Константинополя, составленная в 1700 г. лейтенантом русской службы Христианом Отто.

3. Изображение берегов Азовского и Черного морей от Темрюка до Константинополя (профили берегов), составленное тем же Отто.

4. Навигационная карта Азовского моря, составленная в 1706 г. Петром Бергманом.

5. Им же составленная в 1702 г. карта Керченского пролива.

Некоторые из этих карт имели градусную сетку и определенную проекцию.

К первой же четверти XVIII в. относится (на латинском языке) карта европейской части России к югу от Москвы до Черноморского побережья Турции.

Г. И. Танфильев отмечал, что на Черном море первая серия прибрежных промеров производилась еще в 1696 г. экипажем корабля «Крепость» и что в 1696—1704 гг. Пикаром была исполнена карта Черного моря между Керчью и Константинополем под названием: «Прямой чертеж Черного моря от города Керчи до Царяграда»[1]. Бесспорно правильно указание Танфильева на то, что первые промеры были проведены экипажем корабля «Крепость», об этом сообщал и Украинцев Петру I (см. выше). Но промеры эти относятся не к 1696, а к 1699 г.

За рассматриваемый период, охватывавший немногим более четверти века, в России шла плодотворная и упорная работа по изучению Ближнего Востока. «Русская географическая наука петровского времени внесла крупнейший вклад в сокровищницу мировых географических знаний»[2]. Изучение Ближнего Востока в первой четверти XVIII в., путешествия на Ближний Восток не привели, да и не могли привести, к великим открытиям, подобно открытиям на северо-востоке Азии и в прилегающих водах Ледовитого и Тихого океанов, к таким картографическим работам, как, например, картирование Каспийского моря Ф. И. Соймановым. Но было бы явно ошибочным недооценивать значение тех глубоких и серьезных сведений о Ближнем Востоке, которые внесли в науку русские наблюдательные люди. Нельзя недоучитывать вместе с тем и чисто практического значения, которое в свое время имели эти сведения.

---

[1] Г. Танфильев. Моря Каспийское, Черное, Балтийское, Ледовитое, Сибирское и Восточный океан. М.—Л., 1931, стр. 49.

[2] Д. М. Лебедев. Указ. соч., стр. 369.